

болезней, вывозили из лагеря в близлежащее глинище и там закапывали. Поэтому я не съедал сало, а только сосал его, вспоминая при этом ту сердобольную тетку, что дала мне его в дорогу. Но все равно появлялось ощущение сытости, и я засыпал.

Однажды на территорию лагеря зашел немец с большим коричневым портфелем. Двое пленных несли за ним стул и скамью. Немец сел, открыл портфель и стал вынимать из него продукты: кирпичик черного хлеба, кусок колбасы, маргарин, небольшую пачку сигарет – 6 штук, пакетик повидла, небольшую булку и еще какие-то пакетики и кулечки.

Сразу же его окружила толпа и стала просить: «Пан, дай!». Немец на ломаном русском языке сказал, что это порция солдата на один день, и кто хочет это получить, пусть подпишет этот документ, что он добровольно идет служить во вспомогательные войска или полицию. И еще будет получать «Зуппе» и кофе. Толпа затихла, а один спросил: «И винтовку дадут?» – «Дадут, дадут!» – закивал немец. Но тот, кто спрашивал, уже отвернулся со словами: «Чтоб я, значит, в своих стрелял? Да лучше я здесь сдохну»... Пленные молчали.

В конце дня выяснилось, что человек шесть он навербовал. Это все были жители Средней Азии и два с Кавказа. Их презрительно называли «Сталинскими соратниками».

Я уже испытал, что такое голод, но до такого еще не дошел.

На десятые сутки пребывания в лагере встретил в толпе солдат друга детства, Володю Калуцкого, с которым мы игрались еще в песочке. Это было чудо! Он был бледен и меня узнал с трудом, я ведь был грязный, заросший и выглядел стариком, но, узнав, обрадовался. Оказалось, что он в лагере уже с месяц, от голода еле ходит, но все время